МОЕ НЕМОЕ КИНО

С благодарностью Дмитрию Рыкунову

Под мостом

~~В детстве я не думал...~~

Я в детстве не верил, что буду жить в XXI веке. Помню, в пятом классе мы все высчитывали и удивлялись, сколько нам будет в 2000 году. Смеялись, представляя себя такими старыми. Тридцатилетними. А учительница нам говорила, что к тому времени уже наверняка в нашем городе построят мост через Золотой Рог. И никто не подумал, сколько будет в 2000 году нашей заслуженной учительнице. Даже она сама не подумала, наверное, потому что тоже смеялась вместе с нами. Если ей удалось дождаться моста, то, скорее всего, именно по нему ее отвезли на городское кладбище. Так короче.

Сегодня срок платежа за квартиру. Как пролетел месяц!

Занял Ивану деньги. Он тоже снимает квартиру. Интересно, смог бы я жить так, как он?

Снова вспоминал мост. В детстве мост и будущее я представлял одновременно. Он был громадный, белый, освещенный солнцем и стоял именно на том месте, где он сейчас построен. И вот я сегодня стоял под ним, задрал голову... То есть мы все трое встретились — будущее, мост и я. В детстве я не думал, что так вот буквально все получится. Я должен радоваться. Купил гамбургер, там под мостом есть фастфуд. И кофе. Смотрел, как проходят за

окном автобусы. Был обеденный перерыв. В детстве я не думал про такие мелочи. Например, про то, что у меня будет обеденный перерыв и я буду смотреть во время перерыва на проходящие автобусы.

Спрашивал на работе, нет ли у кого старых венских стульев.

Конечно, это была глупость... Но теперь уже ничего не поделашь. Ивана все-таки выперли. С треском! И деньги мои не помогли. Он, оказывается, задолжал за полгода.

Заходил к Диме в музей. Пили чай. Читали книгу отзывов. Иногда аж хрюкали сквозь слезы.

Дима подарил мне футболку с Гарольдом Ллойдом. Вспоминания про Сашу: хороший был парень, пока не женился.

Долго ждал автобуса.

Не знаю, как так сложилось и почему, но, когда я вспоминаю свою жизнь, вчерашнюю или двадцатилетней давности, воспоминания эти идут без звука. Я помню лица, выражение глаз, походу, жесты, слова, но не слышу, как правило, голосов. Иногда слова отдельной строкой проходят в моей голове, как субтитры к фильму. Тогда они кажутся выделенными **жирным шрифтом**.

Когда я жил в центре, еще до развода, из окна однажды вечером видно было, как горел мост.

Я немногословен, как правило. Иногда захочешь сказать что-нибудь, а потом думаешь: «Зачем?» Промолчишь, и самому светлее. Все, что не обязательно, я как бы брал в скобки. А потом решил, что и без этого можно; теперь и вовсе загоняю все в сноски. Сноски все равно никто не читает.

Сегодня на первый утренний урок пришел Максимка. Многие мои ученики в этой маленькой частной английской школе

кажутся мне загадкой. Максимка, например. Ему тринадцать. Он невежествен во всем, от географии до математики. Иногда я стараюсь представить себе его внутренний мир. Это увлекательно. Потому что в нем нет ничего. И именно поэтому он кажется мне так лучезарен и тих. На самом деле там должны быть компьютерные игры, домашний быт, школьные друзья, мама, папа. Но это все ерунда, этого не хватит даже для того, чтобы расставить вдоль одной стенки в пустой комнате. Но главное — там нет ничего из моего внутреннего мира. И это кажется мне прекрасным. Я отдыхаю...

Максимка — хитрый азиат. Когда его спрашиваешь, он улыбается в ответ с дружелюбием дикаря, не понимающего, что ему говорят.

Есть еще Дениска, могучий шестиклассник с румяными щеками. С него можно было бы писать Петра I в отрочестве. Но по умственному развитию Дениска — жизнерадостный щенок. Выполняя письменное задание, он произносит его вслух по складам, шевеля пухлыми губами, над которыми уже растут усы. Если я его ругаю, он старается сделать серьезное лицо, и я смеюсь.

Снова собрались компанией в музее у Димы Р. После закрытия. В верхнем кабинете. Вспоминали, какая у кого есть рабочая специальность. Это в ответ на замечание Лизы, что все мы «бездельники», «интеллигенты» и «руками ничего делать не умеем». Лиза — интересная девушка с пышной грудью, и поэтому все бросились доказывать, какие они орлы на самом деле. Оказалось, один был сварщиком, другой — электриком, третий — мотористом. Только я не мог ничего вспомнить, кроме школьной практики в таксопарке, где я менял какие-то пружинки на дисках сцепления. Но нельзя же сказать, что я автослесарь. Сторож не специальность, подсобный рабочий на пилораме — тоже. Но, наконец, меня осенило, и я даже

усмехнулся, как это я мог забыть такой замечательный период своей жизни. Я был киномехаником! Это вышло случайно¹. Да

¹ Конечно, как и все, в детстве я любил кинотеатры. Утренние сеансы по 10 копеек за билет. Мороженое. Возможно, именно об этом я вспомнил, когда меня исключили с третьего курса института за систематические пропуски. Мне не хватало духу устроиться, например, в порт, докером. Я сомневался, как я освоюсь в бригаде, среди суровых мужиков. А кинотеатр казался местом спокойным, вот я и пошел учеником киномеханика. Я думал, там работают тихие, культурные люди. Я пришел туда в черных джинсах, худой и застенчивый. Меня охотно приняли на работу, что было само по себе подозрительно. До этого мне везде отказывали. А здесь все приветливо улыбались, и скоро я с удивлением понял, что в кинотеатре работают одни женщины. Директор, главный инженер, четыре киномеханика, билетерши и уборщицы. Единственным исключением был художник, которого я так ни разу и не встретил. Он подрабатывал в нескольких местах, и я видел только афиши, которые он писал. В каком-то смысле этого было достаточно, чтобы составить представление. И вот я пришел и стал учиться, как заряжать пленку в аппарат, как в конце одной части фильма, заметив сигнальную точку в углу кадра, переходить на показ с другого аппарата, или, как это называлось на профессиональном языке, «поста». Было несложно, и большую часть времени я страдал от безделья. Учили меня две некрасивые девушки, родные сестры. Помню, что у одной были светлые волосы, и у другой тоже. Во всем остальном никакого сходства между ними не было. Помню, что одна, та, что повыше и постарше, читала пьесы Расина и удивлялась, как это длинно и как непохоже на правду, но ей хотелось узнать, чем там кончится... Иногда после последнего сеанса уборщицы просили меня помочь им вывести напившегося и уснувшего в ложе зрителя. Кинотеатр был старый, с ложами и балконом. До революции здесь было кабаре.

На рабочем месте пьянство, понятно, не поощрялось, и девушки всегда успевали спрятать под стол бутылку сухого вина, когда в аппаратную входила Галина Львовна — главный инженер и единственная яркая женщина. В ней было что-то от фильмов Рижской киностудии про Америку. Сестры-блондинки были моложе, но уж совсем обыкновенные, вроде ролика кинохроники «Советская Сибирь». Изредка в аппаратную заходил улыбчивый старичок-педераст, начальник из отдела кинофикации. Я старался держаться поближе к девушкам. Они, смеясь, говорили: «Везет тебе, ты ему экзамен на категорию запросто сдашь» Я спрашивал, есть ли другие экзаменаторы. «Чем тебе этот не нравится?»

«Покажи, кольцо», — как-то раз сказала одна из них. Я не был фатоватым парнем, но носил на пальце кольцо. Это было связанное с одной романтической историей воспоминание, и я однажды загадал про себя, что никогда в жизни не сниму этого кольца. В юности случается давать себе бессмысленные обеты. Я неохотно протянул руку. «Дай, я примерю», — сказала моя наставница, та, что читала Расина. «Нет», — сказал я вежливо. Я улыбнулся. Это было ошибкой. Если бы я сказал, например, «отвали», от

и работал я недолго. Это был маленький кинотеатр. Назывался «Приморье». Теперь там театр кукол. А раньше, еще до революции, там был один из первых в нашем городе кинотеатров. Назывался «Арс». Искусство.

Ездил смотреть помещение в аренду. Под мостом всегда пробка. Я не выдерживаю, выхожу и иду пешком. Слева от меня сквер Невельского, справа — чудо сталинской архитектуры — Пограничное управление ФСБ, а по диагонали, выше, здание художественного училища, которое я помню с детства; в летний

меня бы сразу отстали. Но я так не умел. Наша смена длилась шесть часов, понятно, что порой становилось скучно. Девушки решили развлечься и попытаться силой снять кольцо. Но они не могли разжать мой кулак. Тогда вторая сестренка стала меня душить, чтобы я разжал руку. Я был полный остопоп, я не умел шутить с женщинами. Нужно было просто приобнять ее, шлепнуть по попе для того, чтобы все это кончилось шуткой. Но я сидел ровно и чувствовал, что мне не хватает воздуха. Пока не потерял сознание. Падая, я ударился головой о железный стол, на котором стоял прибор для перемотки катушек. Через минуту мне показалось, что я проснулся, но при этом я не помнил, как я уснул. Испуганные сестры хлопотали надо мной. На голове вздувалась шишка, и волосы стали липкими от крови. С тех пор мы окончательно подружились.

Через две недели мне выплатили первую стажерскую зарплату — 65 рублей. Приближалось время экзамена. Я трепетал. Как раз показывал в нижнем зале фильм про Володю Дубинина — пионера-героя. «Беларусь-фильм», 1962 год. Вошла Галина Львовна. «Ставь сразу шестую часть», — сказала она. Я удивился. На аппарате вертелась катушка со второй частью. «Художник перепутал время сеансов. Зрители уже на следующей пришли, там четыре школьных класса. Они нам фойе разнесут», — объяснила она. «А как же?..» — сказал я. «**Какой же ты робкий...**» — сказала Галина Львовна с непонятной интонацией. Не успел Володя Дубинин вступить в ряды подпольщиков, как к его матери уже явились строгие бойцы и молча сняли головные уборы. Сковородка выпала из рук женщины. И тут же зазвучала бодрая песня в исполнении детского хора: «Мы избрали высокий маршрут, по плечу нам вселенной размеры». Титры. Я не сразу решился выйти из аппаратной. Но зрители спокойно разошлись. Значит, так надо.

За два дня до экзамена я встретил на улице старичка из кинофикации. Он шел по другой стороне и весело помахал мне рукой. Я поспешно свернул за угол и больше в кинотеатре не появлялся. Один знакомый пообещал устроить меня матросом на плавкраи, и я поспешно согласился.

день, ближе к закату, там, рядом, стояло еще такое пышное дерево, а за ним небо, ярче или темнее, чем это обычно бывает перед грозой или после грозы; я всегда пытаюсь вспомнить и не могу вспомнить точно; помню только, что это было одно из первых ощущений смерти в моей жизни, когда я увидел этот обаяние на возвышении, тяжелую, траурную зелень пышного дерева и тревожно-красивое небо. Но я не всегда об этом вспоминаю, когда прохожу здесь.

Нынешняя моя комнатуха очень уютная и чистенькая. Когда я раскладываю диван, практически не остается места. Плачу за нее относительно недорого. Относительно чего? Относительно отеля *Montreux Palace*? Усмехаюсь. Соседи не шумные. Это важно. Только прямо подо мной живет пес, больной эпилепсией. Тойтерьер. Все время лает. Удивляюсь, как у такого ничтожества может быть болезнь великих — Цезарь, Петр, Достоевский... Это насмешка какая-то! В первую очередь над нашим человеческим самомнением.

Мне кажется, что особенное обаяние животных в том, что они молчаливы.

Еще молчаливы пейзажи.

Портреты.

Ни у кого нет венских стульев. Взять в магазине новые? Дорого... Да и не продают венские, не модно.

Узнал подробности. Ивана, оказывается, вышибли из той квартиры с треском. Вещи выбросили на улицу, и их постепенно растащили мальчишки. Жалко. Особенно книги. С другой стороны, даже за все его пожитки он бы вряд ли выручил шестьдесят тысяч — сумма его долга за квартиру. Так что он формально в прибыли.

Вспомнил, что там оставалась еще и часть моих вещей. Всякие мелочи, которые я не стал перевозить, когда уступил Ивану эту удивительно недорогую квартиру. Он гений. А вот — поди ж, как живет...

В уме делил своих приятелей на тех, кто живет «хорошо», и на тех, кто живет «плохо». И пришел к выводу, что хорошо живут те, кто живет «плохо», а о тех, кто живет «хорошо», — и сказать-то нечего... Возможно, я первых просто лучше знаю?..

Сантехник знает, как устроен кран и сливной бачок, чиновник знает, как устроен его департамент, инженер — как работает турбина. Как устроена жизнь — не знает никто, ни биолог, ни священник. С виду тот же сантехник и, скажем, Филип Гласс устроены одинаково... Так ведь они и на самом деле устроены одинаково — вот что интересно!

Сегодня опять думал об Иване. И снова убедился, что он гений. Уже хотя бы по тому внешнему признаку, что он занимает в обществе именно то место, которое сегодня уготовано гуманитарному гению, а именно — никакое. Совершенно без применения. Только Иван сам этого не знает, ему это не понятно так, как мне, со стороны².

² *«Природа надо мной посмеялась», — говорит он. Где бы Иван ни работал, он везде был слишком тонок для этого рода деятельности. Или слишком широк, глубок. Одиночество Гулливера.*

Последняя работа, которую он выполнял на моей памяти, — перевод на английский язык книги генерала милиции Б.

Б. пишет детективы, что естественно. Он считает их гениальными, что уже странно, но извинительно. Он номинировал сам себя на Нобелевскую премию. Это уже не нуждается в комментариях. Отправил им туда, в Стокгольм, одну из своих книг. Ждет пока. И деньги у него есть, и он заплатил Ивану аванс. Иван говорил, что ему хотелось сброситься с моста, когда он переводил новую книгу Б.

Лева С. достал один венский стул. Лева привез его мне со своей дачи. Подарил.

Выпил немного и сидел перед раскрытым окном в своей комнатухе. Вспомнил, что моя бывшая жена теперь верит в Бога. Смеялся. Она говорила, что «Человек-амфибия» — бесовский фильм, ведь там поют «мне морской теперь по нраву дьявол».

На работе я всегда чувствую себя хорошо. Иногда я думаю, что, если бы я не имел личных интересов, собственности и жил прямо на работе и одной работой, — я был бы счастлив. Личное меня изматывает, а труд делает свободным.

Снова смотрел помещение, потом ехал из центра на работу. Нужно просто сесть в автобус и ехать все время прямо по главной улице, пока она не кончится, перейдя в другую, и по этой другой тоже почти до конца, пока трубы ТЭЦ не окажутся совсем рядом, огромные и слегка ненастоящие вблизи.

У нас два кабинета. Из нижнего кабинета, в котором стоит американский флаг и висит портрет Обамы, я вижу старые двухэтажные каменные дома — окна «фонарем». Они покрашены в желтый цвет, ставший от времени неровным, как будто краску брали из разных бочек. На балконе второго этажа часто курит полный пожилой мужчина. Мне скучно даже вообразить его жизнь.

А вдруг он счастлив?..

Вспоминая прошлое (свое), я неминуемо кажусь себе дураком. Это нормально? Так должно быть? Судя по разговорам других людей — нет. Или они кривят душой, когда вспоминают свое прошлое? Одни вопросы... В детстве у меня не было вопросов. Мне было все и так понятно. Я ничего не знал, но понятно мне было все! Теперь я, кажется, многое знаю, но ничего не понятно... Замечательно!..

Понедельник. Будильник я ставлю на 6:30, но все равно просыпаюсь раньше минут на десять. Досадно, когда воскресенье, а ты все равно просыпаешься рано³.

Может, не нужно венских? Дались мне венские! Может быть, другие подыскать? Но мне всегда представлялось, чтобы были венские. Можно не новые.

Некоторые удивляются, как я живу без телевизора, а я удивляюсь, как можно жить с телевизором? Везде, когда их вижу, выключаю звук.

Сегодня в коридоре стояли толпой дворничихи-узбечки, ожидая выхода маленькой, очень полной женщины с луженой глоткой и круглыми, навывкате, глазами. Эта «луженая» из домоуправления командует ими, как плантаторша. Стояли их мужья с новенькими деревянными лопатами. На лопатах маркерами

³ Помню, в детстве, на каникулах, приучался к режиму дня. Хотел жить по расчерченным квадратикам расписания. Вычерчивал по линейке, выписывал дела и останавливался, глядел в потолок — выдумывал, что еще сделать, к чему приучиться для пользы... Оставалось много незаполненных квадратиков. Потом не мог уснуть от ожидания завтрашней, уже серьезной и взрослой жизни по режиму. А утром едва поднимался, шатаюсь, брел в ванну. После зарядки и кружки чая открывал учебник английского и с первыми лучами солнца сладко засыпал над ним.

Теперь я не могу избавиться от этого режима, он уже всем дирижирует за меня, а я только подчиняюсь, как автомат, и почти не участвую мыслями в том, что делаю. Мыслями я где-то далеко. Утро, я смотрю на китайцев, которые по одному, парами и целыми компаниями бодро спускаются под гору из своего общежития «и водку пьют, как ласточки с Янцзы». Потом еду в быстром, шатающемся трамвае; светясь задними фонарями, стоит бесконечная вереница машин в пробке, а трамвай летит, в нем все качаются с остановившимися лицами, и я вижу в трамвайном окне отражение своего, такого же, как у других, лица «и не живу, и все-таки живу». Но как будто на другой планете или в другом году, сквозь который вижу этот год, этот трамвай...

В величественном холле «Примбанка» между колоннами стоят аквариумы с золотыми рыбками, уже выполнившими все желания учредителей, выдвоенными и сразу поглупевшими, бессмысленно пучеглазыми. Я проверяю свой счет. Прикидываю, сколько будет стоить аренда помещения.

были подписаны имена: Амир, Санжар, Камиль, Гайрат. Строгие, как дети с подарками⁴.

⁴ Мне пришлось протиснуться мимо них, чтобы открыть ключом дверь своего кабинета. Они смотрели на меня и жались к стенам, принимая за какого-то отдельного начальника.

С нами по соседству — стоматолог, с другой стороны солярий, через коридор, напротив, управляющая компания. Есть еще магазин, парикмахерская, центр дошкольного развития, кабинет медицинской диагностики и спа-салон. Все это на двух этажах небольшого офисного здания. Все друг друга знают и здороваются. В магазине можно взять какую-нибудь мелочь в долг. Протезист за стеной любит включать музыку, когда трудится над своими протезами, и иногда по вечерам запирается там с медсестрой. Юноша, владелец солярия, — сын той женщины, что держит парикмахерскую; тринадцатилетний сын зубной врачихи ходит к нам на занятия, и два раза в месяц его мама расплачивается с нами деньгами, полученными от своих клиентов, в том числе от парикмахерши и ее сына, которые лечат там зубы со скидкой. Мы живем почти как биологический организм или феодальное государство.

Накануне праздников все приподняты, оживлены, нарядны. В коридоре пахнет салатом. Дамы бегают в парикмахерскую, делают прически. В непогоду, когда начинается такая метель, что я не вижу из своего окна соседнего дома с вечным курильщиком на балконе, или когда налетает первый весенний тайфун и глинистые потоки, бегущие с сопки, несут с собой камни и гравий, мне бывает весело думать, что нашу офисную коммуналку снесет к черту и поплывем мы как некий ковчег новейшего времени, со своим солярием и зубными протезами, и бог весть когда и куда пристанем, к какому Арарату...

Вода сойдет, и мы побредем по опустевшей земле, расклеивая квитанции на оплату ЖКХ и ища покупателей на зубные протезы. А я потащу портрет Обамы и стану, подобно святому Франциску, видимо, преподавать Holy Bible животным и птицам. Или лучше взять портрет королевы Елизаветы? Он у нас в другом кабинете на втором этаже. Там проходят групповые занятия. У меня пять групп и пять индивидуальных занятий. Иногда после этого я еще еду на частные уроки, и под конец, вечером, когда я в бесчисленный раз объясняю группу времен Simple, у меня такое ощущение, что я слышу себя откуда-то со стороны и голос мой звучит как в колодеце.

Раньше мне не сразу удавалось перестроиться со студенческой аудитории на школьников, но потом я понял, что большой разницы между ними нет. И знают примерно одинаково. Когда у меня бывает свободное время, например, в автобусе, я сочиняю сказки. В этих сказках действуют английские глаголы: правильные, неправильные, модальные; стоят феодальные замки грамматических времен... Моя мечта — написать книгу, которая побьет тиражи великого Голицынского в зеленой обложке. И тогда я буду благоденствовать на отчисления от переизданий.

СОДЕРЖАНИЕ

МОЕ НЕМОЕ КИНО 3

ПО-ЧЕСТНОМУ 117